

Людмила КЕОСЬЯН

Красноярск

Людмила Васильевна Кеосьян родилась на Урале 23 декабря 1941 года. Окончила Уральский политехнический институт. По профессии — инженер-конструктор. В юности публиковалась в местной прессе, «Комсомольской правде», с переездом в Красноярск — в «Красноярской газете», альманахе «Русло», журнале «День и ночь». Автор четырёх книг: «Реабилитированные», «Право на крылья», «Самарины», «Земля и небо». Лауреат конкурсов короткого рассказа

за 2020 и 2021 годы, дипломант «Нового Енисейского литератора» в номинации «Проза» за 2022 год.

НЕЗНАКОМЕЦ

Наша встреча с этим человеком произошла не случайно. Впервые я обратила на него внимание поздней осенью прошлого года. Пожилой мужчина высоченного роста, не менее двух метров, крупный, плечистый, белая, без единого тёмного волоска, густая неухоженная борода, спортивная шапочка, из-под которой выбиваются седые взлохмаченные волосы. Первое моё впечатление от него — готовый Дед Мороз! И при нём главный атрибут Дедушки — массивная трость в руке, опираясь на которую, он прошествовал мимо меня. Едва взглянув на него, определила примерный возраст: лет восемьдесят.

Спустя год, закончив свои дачные дела, я вернулась в город в начале сентября. И сразу же, на второй или третий день, снова увидела его. В этом человеке не изменилось ничего: та же шапочка, та же борода, та же голубая куртка, только вместо одной трости уже было две. Мужчина передвигался так, как идут лыжники по не тронутому лыжнёй плотному снегу. Медленно, словно прокладывая лыжню для идущих следом за ним.

Мысленно представила: кем мог быть этот мужчина в молодости, чем занимался в своей жизни? И как звать его? Насчёт угадывания имён со мною с детства происходили чудеса: почти всегда имя человека совпадало с моим предположением. Это удивляло моих подружек, а впоследствии и моего мужа. Определяла характер, хороший человек или так себе, и что от него можно ожидать. И почти не было случая, чтобы ошиблась за всю свою жизнь. Сейчас, глядя вслед уходящему «Деду Морозу», я дала ему имя Иван. Чем

зарабатывал себе на хлеб мой «знакомый» незнакомец, понять я пока не могла, но в том, что он — человек рабочей профессии и в прошлом был спортсмен, притом классный, разглядела сразу. Возможно, лыжник, определила, проводя его взглядом. Или, судя по росту, баскетболист. Осталось с ним только познакомиться.

Но проходило время, а мужчина не появлялся. Начала беспокоиться: в таком возрасте, как говорят, год идёт за два. И только в конце сентября наконец увидела своего «великана». Он шёл мне навстречу по тротуару, проложенному между двумя девятиэтажками. «Слава Богу, живой!» — подумалось с облегчением. Расстояние между нами постепенно сокращалось, и когда мы сблизились примерно на метр, я остановилась.

— Здравствуйте! — сказала — и в ту же секунду увидела удивлённый взгляд мужчины, которым он заинтересованно стал всматриваться в меня.

Глаза у него были необычного цвета, светло-светло-голубые, такие, что казались белёсыми. Мелькнула мысль: а зрячий ли он?

— А мы с вами разве знакомы? — спросил он. — Вы так улыбаетесь...

— Нет, незнакомы. Но я давно за вами наблюдаю. Ещё с той поры, когда вы ходили с одной палочкой. А сейчас вот с двумя... Что случилось?

— А как вас звать? — спросил он, пропуская мимо мой вопрос.

Но было видно, что мужчина испытывает радость оттого, что какой-то человек вдруг заинтересовался им.

— Мария. А вас как?

— Иван, — ответил он. — Машенька, а вы, случайно, не жили за границей — к примеру, в Европе? Это там все друг другу улыбаются, впервые встреченного человека могут называть, к примеру, «душа моя» или «хороший мой».

— Нет, Иван, не пришлось. А вы разве там бывали? — вот так на удивление быстро и непринуждённо завязалось наше общение, но, честно говоря, переход на «Машеньку» мне не очень-то понравился.

Иван не замедлил с ответом:

— Я не только побывал, а даже жил там почти два года, после смерти жены. Рано она меня покинула, в сорок девять лет. А моя младшая дочь с мужем в самом начале девяностых, не к ночи будь они помянуты, переехали на постоянное место жительства в Германию. И меня, старого дурака, туда звали. Образование у обоих высшее, экологи по профессии, устроиться по специальности не смогли, долго язык учили, но и закончив курсы, смогли устроиться только рабочими на конвейер на каком-то заводе, — он развёл руками, не выпуская палочек, глубоко, прерывисто вздохнул. — Но им там всё равно нравится. Вот в Германии-то я и насмотрелся, как немцы ходят по улицам с застывшими на лицах улыбками.

— А вы не допускали мысли, что они действительно считают себя счастливыми людьми и улыбаются вполне искренне? Возможно, вы предвзято к ним относились?

— Ну, может, и предвзято... Тем более там, под Берлином, отец мой голову свою сложил. Хоть они и раскаиваются за преступления своих фатеров, прощения просят у мира — я их прощать не собираюсь. И улыбки эти меня просто раздражали, особенно первое время сильно нервничал, думал постоянно: «Почему они всё время лыбятся? Чо им от меня надо? Манекены, блин». Короче, надоело там всё. И шпрехат по-ихнему не хотел учиться. По ночам лежал без сна, смотрел в потолок и вспоминал свой родной Новокузнецк, Привокзальную площадь, где на крышах домов огромными буквами сияют слова Маяковского, хватающие за душу: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвествь, когда такие люди в стране в советской есть!» Где всё как в добрые старые времена, по-домашнему, где ещё в восьмидесятых на улицах сидели чистильщики обуви со своей ваксой и щётками. Вернулся в Россию, к старшей дочери, к друзьям-шахтёрам. Я же всю жизнь проработал на шахте до этой самой Германии.

— Вот бы никогда не подумала, что у вас такая профессия. Я считала, что шахтёры — люди не такого высоченного роста, как вы. Опасная профессия у вас была.

Иван опять внимательно всмотрелся в моё лицо, а потом, помолчав немного, улыбнулся:

— Как хорошо, что вы меня остановили на этой дорожке. Редко встречаются мне в последнее время люди,

которые способны не только слышать, но и слушать... Да, профессия шахтёра опасная, вы правы. Уходя в забой, не знаешь, вернёшься ли ты домой целым и невредимым. Сколько парней молодых потерял там... как на войне, — он поднял голову. — Наверное, будет дождь.

«Да, — подумала я, — пора заканчивать разговор, Ивану с его больными ногами стоять в одной позе тяжело», — но попрощаться в момент, когда человека охватили такие тяжёлые воспоминания, я не смогла.

— А с вами в шахте случались какие-нибудь неприятные истории? — поинтересовалась я.

Иван усмехнулся:

— Да ещё какие! Вот жаль, что вы — не писатель. Я бы вам много чего мог рассказать... До сих пор во сне приходят кошмары тех прошлых шахтёрских лет. Просыпаюсь в поту. Представляете, однажды я, молодой в ту пору сварщик, оказался в шаге от неминуемой гибели. Меня спустили в клетки по металлическому вертикальному шахтному стволу, имеющему глубину километр, до отметки четыреста шестьдесят метров для производства сварочных работ на стенке ствола. Вышел я на установленный там деревянный настил, продвинулся к месту работы, зацепил себя крючком за какую-то трубу, как всегда это делал раньше, и в ту же секунду почувствовал, что под мной с треском проломилась доска, и я, не успев даже среагировать, ухнул вниз. Я и тогда был крупным парнем, килограммов под сто двадцать, если не больше. Потом выяснилось, что под моим весом ещё и крючок начал разгибаться... Минуты бы две — и всё... Говорят, что в такие моменты перед глазами человека пролетает вся его жизнь. Ничего у меня такого не было, думал только об одном: «Ну я же молодой, я жить хочу!» — и хоть совершенно не верил ни в Бога, ни в чёрта, заорал: «Господи, помоги же Ты мне, Господи-и!» Чувствуя, что вот-вот я полечу вниз, услышал: «Держись, Ванька!» — и мат в три этажа! И в ту же секунду ощутил, что чьи-то сильные руки подтянули меня за страховочную цепь, схватили за плечи и затащили внутрь клетки, — Иван взглянул на меня своими необычно светлыми глазами и улыбнулся. — Вот видите, сижу сейчас с вами на скамеечке, с полной сумкой яблок и бананов, и пусть не очень здоров, но жив и умирать пока не собираюсь. А тогда...

— Иван, но на такой высоте вы же должны были более серьёзно страховать себя от падения. Сами бы погибли и начальство подвели. Нехорошо-с, молодой человек.

— Это всё теория. Сразу видно, что вы — кабинетный работник в прошлом.

— Кабинетный, да не совсем. Я — инженер-конструктор. Но конструктора, чтобы создать проект, помимо того, чему их учили в институте, должны знать производство, обсуждать многие технические моменты с рабочими, включая и меры безопасности, чтобы такие бесшабашные пацаны, как вы, жили долго и счастливо.

— Ну, может, вы и правы, — согласился неожиданно для меня Иван.

Следующая наша встреча произошла в конце октября. Я увидела его на другой стороне проезжей части дороги. Помахала рукой, и минуты через две он уже стоял рядом и обнимал меня за плечи:

— Думал, что больше никогда вас не увижу. Пойдёмте посидим на скамеечке, поговорим, как прошлый раз. Идём?

И хотя у меня были неотложные дела, я не смогла ему отказать. Шёл Иван медленно, чувствовалось, что каждый шаг даётся ему с трудом. Подошли к скамейке под большим старым клёном, в тени которого летом я иногда любила посидеть в одиночестве минуту-другую. Помня, что он так и не ответил в нашу первую встречу на мой вопрос, почему вынужден был передвигаться с помощью двух опор, спросила:

— Скажите, Иван, почему вы не сделаете операцию? Поверьте, спрашиваю это не из праздного любопытства. Я тоже передвигалась с палочкой, но вот сейчас, видите, спасибо докторам, обхожусь без неё. У вас ведь артроз или коленных, или тазобедренных суставов? Это же лечится!

Он глубоко вздохнул, грустно, с лёгкой улыбкой:

— Я понял, что не из любопытства. Но у меня совсем другой диагноз. Вы знаете, я же бывший спортсмен. Когда жил в Норильске, занимался классической борьбой, выступал в полутяжёлом весе. Кандидатом в мастера спорта был. Первые-вторые места по городу занимал.

«Снова в яблочко: спортсмен, только с видом спорта не угадала», — подумалось мне.

— Сейчас это греко-римская борьба, да?

Иван вновь заинтересованно взглянул на меня:

— А вам откуда это известно?

Я пожала плечами:

— Читала...

— Странная вы женщина... Чтобы в ваши годы... Может, тоже спортом занимались в молодости?

— Было дело. Второй разряд по конькобежному спорту. Тогда это называлось «скоростной бег на коньках». Так что с вами случилось? Травма? — тронула его за локоть.

— Нет, Маша, серьёзных травм не было, Бог миловал. Бросив активный спорт, переехав в Новокузнецк, всю жизнь потом держал форму: по утрам — пробежки, зимой — лыжи, спортзал, баскетбол. Короче, вёл здоровый образ жизни.

— Так что же случилось? — не выдержала я.

— Четыре года назад, в августе, восьмого числа, моя жизнь поделилась надвое: *до* и *после*. Утром, проснувшись, собрался на пробежку. Потянулся к шортам, что висели на спинке кровати, чувствую — что-то со мною не так. В спине словно кол вбили. Но дотянулся, стянул их, начал надевать. А ноги как чужие. Попробовал встать. Встал с трудом. Вот так пришла моя болезнь, захватила меня в свои клещи — и, видите, результат перед вами. Поставили диагноз: нарушение спинномозгового кровообращения. Никакое лечение не помогло. Морально переживал — не объяснить никакими словами. Замкнулся в себе. Вот так замкнутым и живу. Как человек в футляре, — он взглянул на меня. — Сам удивляюсь: впервые рассказываю постороннему человеку о своей боли.

Долго молчали.

— С кем вы живёте? С дочерью? — понимая, что его нужно просто отвлечь, перевести разговор в другое русло, спросила я.

Он ответил совершенно спокойно:

— Живу один. Пока справляюсь. Дочка постоянно зовёт к себе. Но решил так: пока подожду. Но один друг у меня всё-таки есть. Хотите, я расскажу про него? Мне кажется, вам это будет интересно. Он вчера навещал меня...

И рассказал мне историю, произошедшую с его другом на днях. И я до сих пор под впечатлением его рассказа.

Иван познакомился с Валерием лет двенадцать назад. Вот уже год продавалась соседская дача, но покупатели так и не находились. Он недоумевал: и дом хороший, и баня, и участок ровный, на правом берегу Томи, кругом — сосновый лес, ягоды, грибы. Но однажды, выйдя утром на обычную для себя разминку, увидел на соседнем заброшенном участке незнакомых людей: мужчину и женщину лет сорока — сорока пяти. К незнакомцам обычно люди долго приглядываются, но тут случилось всё по-другому. Увидев Ивана, вернувшегося с пробежки, выждав, когда он сполоснётся водой из бака, мужчина сразу подошёл к нему: «Меня звать Валерий. Я — ваш новый сосед. Записывайте меня в свою команду», — и подал ему руку, улыбнувшись так доброжелательно, что Иван сразу подумал: «Мы с ним обязательно подружимся». Так и случилось. Оказалось, Валерий — врач-ортопед. К тому же занимается горнолыжным спортом, но не на результат, а для собственного удовольствия. И вообще — добрый, отзывчивый человек.

Узнав, что в садоводстве появился доктор, люди, в основном пенсионеры, частенько стали обращаться к нему: у кого-то спина заболит — не согнуться, не разогнуться, кто-то руку повредил, в глаз что-то попало, а иные просто проконсультироваться — у пенсионеров болячек хватает. Никому не отказывал.

Однажды Иван обнаружил у себя под подбородком впившегося клеща. Обнаружил тогда, когда тот впился так глубоко, что обычным способом удалить его оказалось просто невозможно. Пошёл к соседу, зная, что у того всегда при себе дежурный чемоданчик и набор всяких лекарств и инструментов. Валерий перекрывал плёнкой теплицу. Иван подошёл к нему и, ни слова не говоря, задрал голову вверх, показывая пальцем на клеща. Валерий моментально всё понял, бросил своё занятие, спрыгнул на землю. «Пошли в дом! — на ходу бросил. — Не боишься уколов?» Обезболил, скальпелем чуть подрезал кожу, удалил клеща, обработал место укуса, заклеил пластырем. «Готово! А клеща я увезу в лабораторию, — и похлопал Ивана по плечу, улыбаясь, — чтобы ты не переживал насчёт энцефалита».

Я сидела и с удовольствием слушала рассказ нового знакомого про своего соседа, ставшего Ивану настоящим другом. Но мне не терпелось узнать, что за история произошла с Валерием в конце дачного сезона. Чувствовала нутром, что меня ожидает сюжет для нового рассказа. Пожалела, что не взяла свой рабочий блокнотик: в моём возрасте память уже не девичья.

— Я же последний год на дачу уже не езжу, командуют там моя вторая дочь с зятем. Вот как было дело. Валера парился в баньке. Была суббота. Вдруг видит: за окном промелькнула чья-то голова в красном платочке. Понял, что женщина. И сразу крик: «Помогите! Валерий Павлович!» В ту же минуту распахнулась дверь. Оказалось — Ася, соседка с другой стороны его участка. Мой доктор тут же спрыгнул с полка, накинул попавшийся под руку халат жены на голое тело и бросился за ней следом. «Васька, мужик мой, не дышит! Сердце не бьётся!» — кричала Аська с надрывом. Валерию хватило одного взгляда, брошенного на лежащего около сарая Василия, чтобы понять: ещё минута-другая — и будет поздно. «Он не диабетик? Скорую вызвали? Вызывайте срочно!» — «Не-е-е-ет, не диабетик! Сделай что-нибудь! Как я тут одна останусь? Поросят купили... А-а-а-а!» — кричала, не переставая, женщина. Валерий бросился на колени прямо в грязь, отпихнув ногой валяющееся ведро с варевом для поросят, которое, видно, нёс хозяин перед тем, как упасть. Пульс у Василия отсутствовал. Дыхание — тоже. Времени на раздумья не было, скорой из города ещё ехать да ехать, — и начал делать непрямой массаж сердца, периодически вдыхая в рот Ваське воздух из своих лёгких. Пот катил с лица солёным потоком, разъедал глаза, а он продолжал и продолжал надавливать на грудную клетку, по сути, умершему человеку. Услышал за спиной чей-то хриплый голос: «Десять минут уже...» — «Ну, заводись! Ну же! Василий, давай дыши, да чтоб тебя, ё-моё!» Но всё было безрезультатно. Тот же голос: «Хватит, Валерий Павлович, вы же видите...» Но Валерий и не думал останавливаться. Работал и работал. В какой-то миг представил, что здесь умирает его родной человек... И с новой силой, собрав всю свою волю, начал качать Василия. И вдруг! Грудная клетка дрогнула. Поднялась и опустилась. И снова поднялась, и снова опустилась. Пальцы под челюсть — пульс был! Хотя и слабый, с перебойми. Шевельнулись веки,

и Василий приоткрыл глаза. Попытался поднять голову. Валерий встал: ноги и руки занемели; когда работал, он этого не чувствовал. Белый махровый халат в чёрной жиже. «Пусть немного полежит пока. А завтра — незамедлительно в районную поликлинику. И без разговоров! — резким тоном бросил он, увидев, как ничего не соображающий пока Васька потянулся рукой к опрокинутому ведру. — Лежать, Василий, кому я сказал! Подложите под него что-нибудь и укройте одеялом». И не успел подхватить Анастасию, которая бросилась перед ним на колени, пытаясь схватить его руки и поцеловать: «Валерий Павлович! Мы — ваши вечные должники! У Васьки же руки золотые! Только скажите, что вам надо, он всегда всё сделает! Спасибо вам, вы же спасли мне его», — а сама всё пыталась и пыталась поймать его пальцы. Скорая прибыла только через сорок минут. Через неделю, приехав на дачу в выходные, Валерий Павлович узнал, что Василий подал на него иск в суд. Оказалось, что при проведении непрямого массажа сердца Валерий сломал ему два ребра. Вся округа была в шоке. Собрались около Васькиной дачи. Ругали его на чём свет стоит, некоторые мужики не стеснялись в выражениях. Другие убеждали его в неправоте культурно, настаивая, чтобы он срочно ехал и отзывал своё заявление. Сергей Игнатьевич, бессменный председатель садового товарищества уже несколько лет, глядя в Васькины бесстыжие глаза, сказал коротко: «Ну что ты за человек, Василий? Ведь рёбра лечатся, а смерть — нет!» Электрик Семён, всегда спокойный, уважительный, поднял вилы кверху: «Слушай, ты, гад, ведь Палыч спас тебя от верной смерти! Не забереёшь заявление — получишь от меня, мало не покажется!»

В этом месте своего рассказа Иван сплюнул:

— Вот мразь Васька! Да лучше бы он... — и замолчал, не договорив.

— Так забрал исковое заявление ваш паразит? — меня била дрожь.

Крепко сжала кисти рук, чтобы скрыть подёргивания пальцев.

— Ещё неизвестно пока, — Иван ударил тростью по скамейке. — А вы представляете, Валера же знал, что их министерство запретило врачам оказывать помощь по проведению сердечно-лёгочной реанимации вне стен лечебного учреждения.

Доктора имеют право сделать только первую доврачебную помощь: позвонить в скорую, расслабить воротник на шее, поднять ноги выше головы, голову повернуть набок — и ждать машину. Знал. И всё равно бросился спасать Ваську.

— Вы мне потом скажете, чем закончится это дело?

Помолчала. Накрапывал холодный осенний дождичек. Солнце скрылось за серыми рваными облаками. Положила руку на плечо Ивана:

— Я не хотела говорить: рядом с вами сидит начинающий писатель — у меня издано несколько книг прозы. И про вашего друга я обязательно напишу рассказ.

Иван бросил на меня взор, в котором заплескалось изумление:

— Так вот почему вы так интересуетесь моей жизнью. Это у вас — профессиональное! Но вы же — инженер, Маша? Я кивнула:

— Да, но, выйдя на пенсию, пришла в литературу, о чём мечтала всю свою жизнь. И даже кое-что для этого делала.

— Понятно. Здорово будет, если напишете. А знаете, что самое страшное в этой истории? Мой Валерий, добрый, отзывчивый человек, вчера, когда мы с ним выпили граммов по двести моей настоечки, сказал: «Всё, Ваня! Сейчас увижу лежащего — и не склонюсь даже! Я не такой богатый, чтобы платить такие заоблачные штрафы за спасение человека!» — Иван замолчал, но потом продолжил: — Хотя я думаю, что это он в горячке сказал: и остановится, и поможет. Не такой он человек, чтобы пройти мимо.

Дождик грозил разойтись не на шутку. Мы встали. И вдруг Иван, положив свои трости на скамью, вновь, как при встрече, обнял меня:

— Мария, вы не против, если я вас буду называть, как и Валерия, своим другом?

Я была не против. Жизнь продолжалась. И в голове зазвучали строчки из моего старого стихотворения: «На склоне лет мы друзей не заводим, обходимся теми, что есть, но меня осчастливили боги — значит, жизни ещё не конец». Оглянулась. Иван стоял под козырьком своего подъезда и смотрел мне вслед.